

МОСКВА
1992

ПЁТР ЛЕВИН

САНЬКА-БЛАТНОЙ

ОБРАТНО В 90-Е

18+

Пётр Левин

Санька-Блатной: обратно в 90-е

«Автор»

2026

Левин П.

Санька-Блатной: обратно в 90-е / П. Левин — «Автор», 2026

Звать меня Санька. Фамилия Блатырин, потому и кличка прицепилась — Блатной. Тридцать четыре года я искал Тумана, гада, который убил моих родителей и младшую сестрёнку. За это время успел отсидеть, хлебнуть дерьма по горло. Искал долго. Нашёл. Только до мести дело не дошло. Туман оказался быстрее и всадил в меня пулю. Очнулся я в Москве летом девяносто второго. Мне опять двадцать, только морда чужая, за прежним хозяином долги, мутные дела и знакомые, от которых добра ждать не приходится. Ладно. С этим разберусь. Мне пятьдесят четыре года, хоть снаружи пацан. Я эти девяностые уже один раз прожил. И зону знаю, и братву видел, и знаю, чем обычно заканчиваются разговоры, когда один из собеседников держит руку возле кармана. А потом я узнал главное. Мои родители и сестрёнка живы. До их убийства два месяца. Туман пока понятия не имеет, кто я такой. А я знаю его фамилию, знаю, что он сделает, и точно знаю дату, когда он придёт убивать моих родных.

Содержание

Глава 1. Туман	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пётр Левин

Санька-Блатной: обратно в 90-е

Глава 1. Туман

Я очнулся и попал из одного кошмара в другой. На этот раз в последний. С моей жизнью вообще так часто бывало: выкарабкаешься, отдышишься, пару месяцев поживёшь человеком, а потом опять какая-нибудь дрянь. К пятидесяти четырём я уже перестал удивляться. Тридцать четыре года из них я искал Тумана — человека, который убил мою семью. Сначала думал, что это займёт год. Потом пять. Потом просто перестал считать. Кличка всплывала то здесь, то там, я ехал, находил очередного болтуна, платил деньги, выслушивал враньё. Иногда бросал всё к чёртовой матери месяцев на шесть, один раз почти на два года. Потом опять начинал. Видимо, без этой суки я уже просто не умел жить.

Нормальный мужик давно занялся бы чем-нибудь другим. Семьёй хотя бы. Дети, дача, машина в кредит, огород этот проклятый с картошкой. Я смеялся над такими людьми, а сейчас думаю — может, они как раз всё правильно делали. У меня к пятидесяти четырём были шрамы, две ходки, куча знакомых, которых лучше не вспоминать, и Туман. Всё. Зато сегодня я его наконец нашёл. Правда, встреча вышла немного не той, которую я столько лет прокручивал в голове.

Его люди подвесили меня к потолку. Верёвку перекинули через железный крюк, руки стянули над головой. Хорошо стянули. Я попробовал провернуть кисти и сразу понял — зря стараюсь. Ноги тоже связали, но носками пола я доставал. В этом и была вся хитрость. Постоял на носках — забились икры. Чуть отпустил ноги — вес ушёл в плечи, и там сразу начинало ломать. Через минуту я уже сам подбирал положение, в котором боль приходила чуть позже. Смешно — боль от этого, наоборот, разливалась по всему телу. Человека собрались убивать, а он всё равно ищет, как устроиться поудобнее.

Потом я увидел полиэтилен. Расстелили подо мной широко, с запасом.

Вот тут всё стало совсем понятно. Да и не могло быть иначе. Я пришёл за Туманом. Значит, он сейчас убьёт меня, раз у меня не вышло. Да и правильно, я сам так делал — кровь с бетона потом отмывать — удовольствие ещё то, а плёнку свернул, погрузил вместе с покойником, и помещение опять годится для хозяйственных нужд. Я посмотрел вниз ещё раз. Потом вокруг. Стена далеко. Стол тоже. Крюк крепкий. Верёвка завязана как надо. В общем, враг подготовился лучше меня.

Сожаления не было. Да и к чему оно? Всё кончено уже. Скорее злость. Я тридцать четыре года шёл к Туману и умудрился в самом конце дать себя взять. Вот что бесило. Даже поговорить не успел. Я ведь хотел спросить про отца. Хотел узнать, что тот натворил такого, за что пришлось прийти к нему домой. Про мать хотел спросить. Про Ленку, сестрёнку мою. Ей было восемь. Вот с Ленкой у меня вообще ничего никогда не складывалось. Как ни крути, какой ответ ни придумай — не за что было ребёнка убивать. Дальше объяснять нечего.

Я дёрнулся. Глупо, конечно, но попробовать можно. Верёвка резанула по запястьям, меня качнуло, а в правом плече хрустнуло так, что я на секунду перестал видеть комнату. Переждал, снова поймал пол носками. Сердце билось часто. Чересчур часто. И вот тут стало неприятно уже по-настоящему. Я всегда считал, что смерти особо не боюсь. После первой ходки вообще много чего про себя считал. Потом были стволы перед лицом, были люди, которые всерьёз решали, оставлять меня жить или нет. Каждый раз обходилось. Наверное, поэтому я и решил, что и бог не мне не друг, и чёрт мне не враг.

Я висел над полиэтиленом и теперь очень хотел жить. Без красивых мыслей. Просто жить. Плечо болело — я берёг плечо. Ноги начинали дрожать — я сильнее упирался носками. Пальцы немели — я всё равно ими шевелил, проверял, слушаются ещё или уже хватит. И глазами шарил по комнате. Сам не знаю, что надеялся увидеть. Нож на табуретке? Ржавый гвоздь? Добрую фею? Но смотрел.

Из темноты вышел Туман. Не узнал его, на фотографиях был другой...

Сначала решил, что это кто-то из стариков при нём. Туман, которого я помнил, вернее, которого мне за эти годы собрали чужие рассказы и фотографии, был другим. В девяносто втором ему было тридцать пять: грузный, плечистый, высокий, чёрные волосы, тяжёлая морда, короткая шея. Боксёр. Левая рука чуть впереди, сам стоит немного боком. Мне потом несколько человек про эту его привычку рассказывали. Мол, даже разговаривал так, как будто заранее примерялся, откуда удобнее ударить.

А теперь передо мной стоял дед. Почти лысый. Лицо усохло, под подбородком кожа повисла, плечи осунулись. Я смотрел и чувствовал какую-то совсем дурную обиду. Тридцать четыре года держал в голове одного человека, а встретил другого. Я состарился — это нормально. А ему почему-то стареть не разрешал.

Туман подошёл к столу и посмотрел на меня. Молчал. Я тоже.

Раньше мне казалось, что, когда найду его, заткнуть меня будет невозможно. В голове я допрашивал Тумана сотни раз. Кто заказал отца? За что? Почему убили мать? Зачем тронули Ленку? Кто ещё был в квартире? Куда он потом исчез? Причём Туман в этих разговорах всегда отвечал и отвечал оправдываясь. Я сам задавал ему вопросы, сам придумывал ответы, сам потом убивал.

А сейчас смотрел на настоящего и понял, что слушать его особо не хочу. Руки почти онемели. Правое плечо ныло. Ноги уже мелко дрожали. И мне хотелось только одного — чтобы между нами не было этих нескольких метров.

Туман придвинул стул, но садиться сразу не стал. Постоял, рассматривая меня с каким-то странным интересом, потом всё же опустил, положил левую руку на колено и тихо усмехнулся.

— Давно я хотел посмотреть на тебя вблизи, Саша. Знал по рассказам, видел на фотографиях. Всё-таки человек тридцать четыре года ходит где-то рядом и мечтает меня убить — интересно же, что он из себя представляет. Ты знаешь, я ведь про тебя временами забывал. Мог годами не вспоминать. Потом кто-нибудь приходил и говорил: Блатырин опять спрашивает, Блатырин вышел, Блатырин ездил к такому-то. И я думал: господи, опять эта муха. Её отгонишь, она круг сделает и снова возле лица. Только ты всё время считал, что между нами какая-то большая война. Для тебя, наверно, так и было. Для меня — нет. Я на тебя никогда не злился. Даже сейчас не злюсь. Муха же не виновата, что жужжит. Если начинает слишком мешать, её просто прихлопывают.

Тридцать четыре года моей жизни этот старый хрен уместил в одно слово. Я уже чувствовал, как внутри поднимается злость, но вместе с ней пришло другое — мерзкое понимание, что он может говорить правду. Я просыпался с ним в голове. Искал его. Через него мерил годы. А он мог не вспоминать обо мне месяцами. Значит, я муха.

Туман почесал большим пальцем левую ладонь и продолжил:

— Ты, наверно, думаешь, что я к твоему отцу приехал убивать. Что уже всё решил, привёз людей, стволы, заранее знал, чем закончится. Нет. Я приехал разговаривать. Михаил задолжал. Долг был реальный, не придуманный. Я даже всю сумму в тот день не требовал. Хотел, чтобы начал отдавать, хоть частями. Тогда такие вопросы каждый день решали: сегодня половину, через неделю ещё, машину переписал, товар отдал — варианты были. Мне его смерть вообще была ни к чему. Мёртвый должник денег не возвращает. Это сейчас любят рассказывать, что

в девяностые за любую тысячу сразу стреляли. Херня. Если всех должников стрелять, через месяц самому есть будет нечего.

Я слушал и чувствовал, как верёвка режет кисти. Левую ладонь уже почти не ощущал. Хотелось сменить положение, но ноги дрожали, и я боялся на секунду потерять пол. Ещё совсем недавно я представлял отца жертвой, которую Туман приехал казнить. Теперь перед смертью мне предлагали другую картину, и я не хотел её видеть.

Наверно, потому что мёртвых за долгие годы мы сами постепенно делаем лучше, чем они были. С живыми проще: сегодня поспорил, завтра простил. Мёртвый уже не поправит картинку.

Туман откинулся на спинку стула.

— Михаил был упрямый. Очень. Вот тут вы с ним похожи. Я сначала нормально говорил. Без угроз даже. Объяснил ему положение: есть долг, есть люди, которые ждут от меня этот долг дальше по цепочке, надо закрывать. Пусть частично. Он начал заводиться. Сказал, что ничего мне не должен, что его самого обманули, что пусть платит тот, кто всё это устроил. В какой-то момент уже можно было разойтись, дать ему день-два остыть. Я бы, наверное, так и сделал. Но твой отец решил, что разговор закончен по-другому. Подошёл и ударил меня. Он ведь, как и я, боксом увлекался. Хорошо приложил.

Туман на секунду замолчал, посмотрел на свою левую руку.

— Я не ожидал такой подляны от твоего отца.

Отце и правда мог ударить. У него были такие вспышки. Я помнил, как он однажды кинулся на мужика возле гаража, потому что посмотрел не так на него, потом ещё неделю ходил с разбитой костяшкой и всем рассказывал, что тот сам виноват. Тогда мне это нравилось. Батя никого не боится. Для пацана хороший повод гордиться.

Туман продолжил уже тише:

— Сейчас я бы, может, развернулся и ушёл. Мне почти семьдесят, мне вообще многое сейчас проще. В девяносто втором я уйти уже не мог. Рядом стояли мои ребята. Они смотрели. Понимаешь? Тогда такое не прощали. Один человек ударил тебя и остался жить спокойно — завтра другой решил, что тоже можно. Потом третий. А у тебя люди, деньги, чужие долги, свои обязательства. В девяностые всё держалось на том, что про тебя думали. Михаил полез с кулаками, я вытащил ствол и выстрелил.

У меня перед глазами появился отец. Ему сорок семь. Он прёт на Тумана с кулаками.

— Я мог уйти после первого выстрела, — продолжал Туман. — Вот тут уже был мой косяк. С самого начала мой. Я приехал решать вопрос с долгом, а получил труп должника в квартире и двоих свидетелей — жену и девочку. Оставить их означало сесть, сам бы я сел, но пацаны причём? Они не виноваты. Тогда такие вещи решали сразу. Я не стал перекладывать на пацанов. Раз мой косяк — мне его и закрывать. Галину убил я. Твою сестру тоже.

Я почувствовал, как ноги стали мягкими. Я повис на руках. Плечи рвануло вверх, из горла вырвался короткий звук. Я быстро нашёл носками пол и поднялся обратно.

Туман дождался, пока я успокоюсь.

— Татьяна стояла возле комнаты. Плакала, просила её не убивать. Рядом лежала твоя мать с простреленной головой. Я сказал твоей сестрёнке, что это не больно и погладил её по головке. У неё были светлые редкие волосёнки. Сколько ей лет было? Восемь? Потом я просто сказал, что пора ей на небеса к отцу и мамке. И выстрелил в лоб. Пуля ведь когда в череп заходит, интересно за этим наблюдать. Я наблюдал, и, может тебе это будет нерадостно слышать, не наслаждался моментом, я ведь не маньяк. Я просто делал свою работу, которая пришла с обстоятельствами. И сразу тебе отвечу на вопрос, который ты, скорее всего, таскал в себе все эти годы. Нет, она мне не снилась. Ни разу. Ни через неделю, ни через десять лет. И сейчас не снится. Я не просыпался ночью с её лицом перед глазами, не ходил в церковь каяться, не пил из-за неё. Ничего такого.

Танька сама полезла в голову. Сидит на полу возле телевизора, карандаши вокруг, рисует дом. Всегда один и тот же: квадрат, крыша треугольником, два окна, труба и солнце в углу. Солнце обязательно с рожицей. Я как-то спросил, на хрена ему глаза. Танька даже удивилась вопросу: а как оно тогда увидит, куда светить? Мне тогда смешно стало. Сейчас вот вспомнилось. Из всей жизни — эта мелочь.

Туман поднялся, прошёл несколько шагов и остановился напротив меня.

— Ты сейчас, конечно, думаешь: вот же тварь. Только я перед тобой каяться не собираюсь. Я хотел жить, Саша. Особенно тогда. И если мне сегодня вернуть тот вечер и сказать: либо твой отец, либо ты, — я опять выберу себя. И дальше тоже себя выберу. Ты тридцать четыре года жил ради мёртвых. А я всё это время жил ради себя. Как видишь, пока получается.

Сказал спокойно, без всякого вызова. До этой ночи у меня и настоящего Тумана-то не было. Был Виктор Туманов, 1957 года рождения. Несколько старых фотографий, кличка, чужие рассказы, куски, обрывки. Остальное я за годы сам достроил: голос, рожу, привычки. Тридцать четыре года разговаривал с человеком, которого толком никогда не знал. А этот стоял передо мной и в мои придумки укладываться не собирался.

Туман опять заходил по комнате, правую ногу чуть подтаскивал. Я сперва вообще не понял, чего к ней прицепился взглядом, потом дошло. Он же раньше иначе ходил. Сам я этого видеть не мог, зато про Тумана за тридцать четыре года наслушался столько, что иной раз казалось — рядом жил. Несколько человек отдельно друг от друга говорили про походку. Лёгкий был, быстрый, шаг короткий, корпус немного боком. Руки никогда не прятал, не зажимал. Не потому что хотел кому-то показать, какой он боксёр. Просто так ходил. Привык. Даже от машины до подъезда. А теперь правая нога тянулась за ним с маленьким опозданием, плечи уже не те. Живого Тумана я встретил первый раз и сразу увидел то, чего в моём Тумане никогда не было: старость.

— Сейчас про девяностые любят рассказывать, — сказал он. — «Лихие». Красиво назвали. Малиновый пиджак, цепь, шестисотый у кабака, рядом человек пять с такими мордами отождратыми, что сразу понятно — братва. Смотришь сейчас кино, вроде всё знакомое, а вроде херня какая-то. Мы-то не просыпались утром с мыслью, что живём в девяностые. Проснулся — и ладно. Потом уже думай, где денег взять. Один сумки из Турции привёз, второй ваучеры пачкой достал, третий вчера инженером на заводе сидел, а сегодня ума хватило сменить занятие. Галстук, кульман, всё как положено. У палатки стоит, мелочь считает и рад, что вообще торговля идёт. Завод встал — зарплаты нет. Потом тебе говорят: денег не будет, забирай утюги. Я серьёзно. Утюги, хрусталь, хорошо, если сгущёнка или тушняк. И ты берёшь. А чего делать? Дома жена, дети. Им утюг, конечно, тоже вещь полезная, только жрать его плохо. Значит, тащишь на рынок, кому-нибудь съёшь подешевле. Продал — уже хорошо. Купил домой картошки.

Я это помнил. Только в девяносто втором смотрел на всё с другой стороны. Когда родных убил Туман, мне двадцать было. В таком возрасте почему-то кажется, что мужики постарше знают какой-то секрет. Отец знал. По крайней мере, я так думал. Его начальник тоже наверняка знал. А уж если человек ездил на хорошей машине, тут вообще вопросов не возникало — этот точно разобрался в жизни. Потом уже понял, что разбирались все примерно на ходу. Кто быстрее сообразил, тот и молодец. Кто тормознул — мог очень быстро остаться без всего. Иногда без зубов тоже.

— С деньгами вообще дурдом был, — продолжил Туман. — Ты сегодня получил пачку и вроде богатый. Через месяц на эту же пачку уже смотришь и думаешь: мало. Поэтому деньгами особо не любовались. Получил — пристраивай. Товар хороший был — держи товар. Люди надёжные есть — держись за людей. А имя... имя вообще штука полезная. Сейчас можно договор на сорок страниц подписать, там печатей наставят, юристы всё проверят, а потом всё равно пять лет будут судиться и друг другу письма писать. Тогда иногда садились напротив,

поговорили пять минут — всё, договорились. И дальше уже вопрос, человек слова ты или так, рядом постоять пришёл.

Туман остановился возле стола, провёл пальцем по краю.

— Только не надо думать, что сразу за всё стреляли. Это уже потом насочиняли. Не отдал человек долг — и что, сразу его валить? Дураку понятно, мёртвый он тебе точно ничего не отдаст. Сначала разговаривали. Потом ещё разговаривали. Могли по башке дать, если плохо понимает. Другое было опаснее. Если один тебя кинул и все увидели, что ты проглотил — попал. Вот тут уже плохо. Потому что завтра другой подумает: а чего, так можно было? Потом третий. И через какое-то время ты уже можешь хоть на трёх «Мерседесах» приехать, только всем похер. Знают, что тебя двинуть можно.

Он говорил и вроде на меня смотрел, а сам давно уже был где-то там. Я это заметил. Голос чуть менялся. Не сильно, но менялся. Про утюги рассказывал спокойно, про людей, которые его кидали, тоже. А когда доходил до себя, молодого, там другое появлялось. Ему нравилось вспоминать. Само ощущение, что он тогда что-то решал.

— Поэтому и били, — сказал Туман. — Куда без этого. Иногда ломали. Иногда стреляли, если совсем уже никак. Я тебе сейчас только одну вещь врать не стану. Не было такого, что бедного Витю жизнь взяла за шкурку и потащила в бандиты. Херня. Я сам пошёл. Сам. И мне понравилось.

Он даже усмехнулся.

— Вот приезжаешь к человеку. Он сперва сидит такой важный. Курит, не предлагает тебе сесть, через слово перебивает. Ну хорошо. Сидим дальше. Потом проходит пять минут, десять — и уже сигарету тушит. Потом: Виктор, давай всё-таки спокойно. И голос уже другой. Совсем другой. Мне это нравилось, Саша. Чего уж сейчас-то врать.

Туман опять сделал несколько шагов, нога привычно потянулась следом.

— Хорошо, когда тебя боятся. Плохая привычка, конечно. Только бросать её никто особо не хотел. Я уж точно.

Виктор Туманов посмотрел на меня.

— И я быстро понял: если проблема появилась, закрывай сразу. Оставишь — она обрас-тёт людьми, деньгами, разговорами. С твоим отцом я как раз затянул. Думал, одумается. Потом один косяк потянул следующий. В какой-то момент уже поздно было аккуратно выходить.

Вот так он про них и говорил. Про отца ещё хоть как-то. Про мать мельком. Таньки в его рассказе вообще почти не существовало. Девчонка, свидетель, лишний человек в квартире. Я смотрел на него и понимал, что он, скорее всего, даже лица её не помнит.

— Я ведь сам тогда чуть не лёг, — сказал Туман. — Через полгода после твоих меня у «Праги» встретили. Ресторан помнишь? Один человек решил, что я ему дорого обхожусь. Троих прислал. Молодые, крепкие. Один с ножом. Стрелять возле ресторана зассали, народу полно. Хотели быстро сунуть в машину, дальше уже разбираться. Я троих сложил руками. Вот после того вечера и начали про мою левую рассказывать.

Он встал. Я сразу напрягся, но пистолет остался лежать где лежал. Туман отошёл туда, где посвободнее, повернулся ко мне левым боком.

— Про это-то слышал?

Слышал. В девяностые возле любого заметного мужика через пару лет заводились исто-рии. Один бил так, что человек якобы ещё три дня ходил, потом падал. Другой из «Макарова» мог через двор в глаз попасть. Про левую Тумана мне рассказывали не раз. Я, как обычно, половину делил на два.

— Первый возле «Праги» справа полез, — продолжил он. — Здоровый, мордатый, больше меня, слон, не иначе. Знал, что я левша, думал, уже всё понял. Я ему дал движение сюда.

Туман чуть шагнул вправо и показал плечом.

— Он повернулся. Человек всегда сперва глазами идёт. За глазами уже всё остальное. Мне этого хватило.

Он повторил движение медленнее. Шаг вправо, плечо чуть вперёд. Я и сам невольно посмотрел туда. Потом Туман просел, сместился влево, и левая коротко пошла снизу, без замаха. Кулак остановился на уровне чужой воображаемой челюсти.

— Вот сюда. Первый сразу сел. Второй всё это видел и всё равно поймал то же, только повыше. Потом, когда время прошло, мне братва придумала секретный удар левой. Да какой там секрет. Показываешь человеку одно место, работаешь с другого. Люди охотно смотрят туда, куда им показывают. И в драке, и вообще. А левая у меня и правда бьющая была ого-го.

Он сделал приём ещё раз. И тут я понял, почему про его левую столько лет трепались. Семьдесят лет никуда не делись, правая нога уже подводила, но тело знало это движение лучше головы. Никакой красоты. Коротко, экономно, зло. Я зачем-то начал раскладывать про себя: вправо, плечо, он разворачивается, просесть, уйти влево, левая. Нахрена мне сейчас это понадобилось со связанными руками, понятия не имел. Голова иногда вообще занимается какой-то ерундой. Дом горит, а ты стоишь и думаешь, выключил ли утюг.

— Узнал? — спросил Туман.

И тут мелькнуло. Двор. Чьё-то плечо передо мной. Рывок вправо. Потом белое пятно, и больше ничего. Я даже зажмурился, пытаюсь поймать продолжение. Не поймал. Может, видел когда-то. Может, сейчас сам прилепил картинку к его рассказу.

Туман ответа ждать не стал.

— В твоём отце это тоже было. Он всегда шёл прямо. Решил — пошёл. Потому на меня и полез. Ты такой же. Тридцать четыре года прёшь в одну сторону. Страна поменялась, люди поменялись, я сам фамилии менял, города, дела, а ты всё там же. Я вас за это даже уважал немного. Только вы, Блатырины, оба одной вещи не понимали: если долго прёшь напролом и тебе везёт, в какой-то момент начинаешь думать, что так будет всегда. А на единорога найдётся человек с ружьём.

Он вернулся к стулу и сел уже тяжелее. Потёр левое колено, потом кисть.

— Ты ведь мог жить, Саша. Вот этого я в тебе и не понимал. Тебе двадцать было. Семью убили — страшно. Я бы тоже полез. Год искал бы, два, пять. Но потом-то что? Уехал бы. Женился. Детей нарожал. Деньги делал. Хоть в другой стране поселился. А ты из мести себе работу устроил. Я иногда спрашивал про тебя, потом уже просто интересно стало. Сел. Вышел. Опять копает. Ещё сел. Снова ищет. Люди рядом другие, Москва другая, я сам уже половину старых дел забыл, а Блатырин всё где-то рядом. Тридцать четыре года. Ради чего? Чтобы сейчас висеть здесь и узнать, кто где стоял в той квартире?

Вот тут мне впервые захотелось ему ответить. Он думал, что после той квартиры я мог взять и жить дальше. Я пробовал. Женщины были. Деньги тоже были, иногда хорошие. Были столы, праздники, люди вокруг, я смеялся вместе со всеми. А потом мог среди ночи открыть глаза и вспомнить, что Таньке восемь. Навсегда восемь. После такого уже хрен уснёшь. Я почти сказал это Туману, даже воздух набрал. Потом решил — обойдётся.

Он посмотрел на часы.

— Устал?

Ноги действительно сдавали. Икры мелко дрожали уже сами, пальцы перестали слушаться, плечи болели постоянно, без передышки. Я давно уже ничего не пытался подобрать. Чуть больше веса на ноги — сводит икры. Чуть отпустил — рвёт плечи. Выбирай, Санька, сегодня меню небольшое.

Туман взял мой пистолет левой рукой, посмотрел на него, потом на меня.

— Хороший ствол, ухаживал, смазки достаточно, пристреленный. Такой не подведёт. Я раньше стихи писал. Молодой был, дурной. Потом бросил. А ещё любил читать тем, кого

собирался убить. Люди почему-то нервничали. Один вообще попросил сразу стрелять. Сказал: только второй куплет не начинай.

Туман усмехнулся. Видно было, что история ему до сих пор нравится.

— Я, между прочим, обиделся. Тогда считал, что неплохо пишу.

Он повертел пистолет в руке.

— Сейчас почти всё забыл. Но для тебя попробую. Всё-таки тридцать четыре года шёл ко мне, искал меня.

Он чуть усмехнулся.

— Долго шёл. Было бы совсем некрасиво просто взять и пристрелить.

Туман поднял глаза куда-то поверх моего плеча, помолчал, вытаскивая из памяти старые строчки, и произнёс:

Ко мне убитые не ходят, Им, видно, не о чем просить. Живые сами смерть находят, Когда мешают дальше жить.

Туман остановился напротив метрах в трёх. Я и сейчас попробовал бы достать его ногой, хотя сам понимал, что не дотянусь.

— Я на тебя правда не злюсь, Саша, — сказал он уже без усмешки. — Ты всё сделал так, как должен был сделать человек с твоим характером. Ты попытался и проиграл. Так бывает. Мог проиграть я. Для тебя это история всей жизни, а для меня сегодня обычный незакрытый вопрос, который наконец можно закрыть. Ничего личного. Я же говорил — муха. Долго летала, вот и всё.

Мне стало страшно. Сердце уже не билось — долбило, ноги мелко тряслись сами по себе. И вдруг я поймал себя на мерзкой мысли: сейчас начну просить. Просто рот откроется, и полезет — пять минут, минуту, давай поговорим, деньги... Какая-нибудь последняя унижительная херня. Вот этого я не хотел. Всё остальное уже случилось.

Посмотрел под ноги. Полиэтилен. Потом на Тумана. Он поднял пистолет.

И тут, вообще непонятно зачем, в голове оказался его удар. Правый заход я уже видел. На него не вестись. Когда Туман просядет — шаг назад, совсем короткий. Левую поймать. Дальше в подбородок. Я даже прикинул расстояние между нами и только потом вспомнил, что руки у меня связаны над головой. Хорош, Санька. Самое время учиться драться.

Щёлкнуло. Всё, мне конец.

Очнулся на полу. Не сразу даже понял, что очнулся. Щека лежит на старом ковре, ворс лезет в лицо, голова гудит, справа под рёбрами ломит, во рту сушняк. Я лежал так немного. Перед глазами стоял Туман. Его левая рука. Мой пистолет. Плёнка внизу. Спокойная рожа человека, который уже всё решил. Потом до меня дошло: а какого хрена я вообще это вспоминаю? Я же должен лежать на полиэтилене.

Ощупал грудь. Потом живот. Полез к голове. Целый. Зато губа разбита, один глаз открывается плохо, рёбра справа ноют так, что вдохнуть поглубже не хочется.

Я поднял руки и на несколько секунд забыл даже про Тумана. Руки не мои. Слишком тонкие и молодые. Я повернул кисти, посмотрел с одной стороны, с другой, сжал пальцы. Ещё раз. Шрама возле большого пальца нет. На костяшке тоже чисто. Я эти отметины уже лет тридцать не замечал, а тут сразу увидел, что их нет. Ногти другие. Кожа другая. Всё чужое.

— Что за херня...

От голоса меня пробрало ещё сильнее. Грубоватый, высокий.

Я сел. Комната тут же поехала, пришлось схватиться за диван. Посидел, пока перестало мотать. Сердце колотилось быстро, но как-то легко, без привычной тяжести. Я положил ладонь на грудь и тут же убрал. На дверце шкафа висело зеркало.

Вот к нему идти хотелось меньше всего. Руки я уже видел. Голос слышал. Мне, в общем, хватало. Но зеркало висело напротив, и делать вид, что его нет, было совсем уж глупо. Я поднялся и подошёл.

На меня смотрел молодой парень. Лет двадцать. Тёмные волосы, глаз заплаыл, губа разбита. Я потрогал щёку. Он полез туда же. Поднял руку. То же самое. Ну да. Каких ещё доказательств тебе надо, Санька?

Я отвернулся. За пятьдесят четыре года я прошёл зону и хлебнул дерьма ложкой с горкой. Но проснуться с чужими руками и чужой мордой — тут даже мой запас жизненного опыта заканчивался.

Комната тоже была неправильная. Или наоборот — слишком правильная, только лет на тридцать с лишним назад. Пузатый телевизор. Видеомагнитофон. Кассеты стопкой. На столе разобранная техника, отвёртки, провода. Я смотрел на это и никак не мог ухватить, что именно меня так давит. Потом полез в карман джинсов — немного денег, старые рубли. На стене висел календарь — 1992 год, июнь.

В дверь постучали.

— Санёк! Климов, открывай!

— Кто?

— Конь в пальто! Пашка, забыл меня, Задрот?! Тебе вчера совсем башку отбили? Рыжий тебя ищет. И деньги где, он спрашивает. Тебя ещё Ленка спрашивала, как ты. Что ей передать?

Значит, фамилия моя Климов. А звать также, как я звался в той жизни — Санёк.

— Передай, что всё хорошо. Я щас плохо себя чувствую. Рыжего найду. Извини, мне нужно побыть одному.

— Открывай! Рыжему деньги нужны.

Я ещё несколько секунд стоял молча, потом сказал, чтобы отвалил до завтра. Витька поругался, пообещал, что Рыжий сам придёт, и ушёл.

Я сел за стол и попытался вспомнить хоть что-нибудь про этого Климова. Ничего. В голове была только моя жизнь, целиком, со всеми отсидками, драками, родителями, Танькой и Туманом, который пару минут назад меня застрелил.

На подоконнике лежала газета. 30 июня 1992 года. До у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.